

На серой призрачной лестнице жуткая гниющая тварь зашлась истошным визгом. Нацелив на Нань Цзина безумный взгляд багровых глаз, она содрогнулась. Наросты лопались, брызгая сукровицей, прямо на глазах формируя новую уродливую ногу. Оперевшись на неё, монстр стремительно пополз вверх.

Нань Цзин бессильно прислонился к гробу. Внутри него вопреки обычной сдержанности крепло глухое беспокойство. Глядя на приближающееся чудовище, он хрипло крикнул:

— Это Кожаный призрак! Он вырвался из тела носителя. Злой дух поглотил всех призраков в округе и теперь обрёл невероятную силу. Беги! Нас просто разорвут на части!

— Вот как? — Юй Аньянь усмехнулся.

Он подхватил юношу на руки, бережно вынимая его из тёмного чрева лакированного гроба. В бездонных чёрных глазах режиссёра отразился пламенный шёлк подвенечного наряда. Крепче прижав Нань Цзина к груди, он тихо выдохнул:

— Что ж, Нань Цзин... Если нас и разорвут, то только вместе.

Тем временем за пределами деревни Одинокого Дракона едва брезжил рассвет. Спасатели с трудом пробивали завалы на горной дороге. Чуть поодаль, на обочине серпантина, выстроились машины экстренных служб. Помощник режиссёра взволнованно объяснял что-то полицейским.

Юй Хун, примчавшийся из Столичного града на гору Одинокого Дракона, едва держался на ногах. Когда водитель помог ему выбраться из салона, пожилой мужчина покачнулся, чуть не осев на асфальт.

— Ну что там? — дрожащим от ужаса голосом спросил он. — Есть новости от спасателей? В полиции говорят, в деревне кого-то убили... Какое ещё убийство?!

Офицер лет тридцати, руководивший операцией на месте, быстрым шагом подошёл к прибывшему:

— Вы родственник Юй Аньяня?

Юй Хун судорожно закивал.

Полицейский предъявил служебное удостоверение и сухо доложил:

— Вкратце введу вас в курс дела. Поступил сигнал: на прошлой неделе в деревне Одинокого Дракона произошло убийство, связанное с торговлей людьми. В ходе расследования выяснилось, что съёмочная группа вашего сына — четыре человека — не выходит на связь уже больше суток. Мы выдвигаемся внутрь вместе со спасателями, как только расчистят дорогу. Если у вас есть какие-то сведения, прошу сообщить.

Юй Хун побелел как полотно.

— Нет... никаких сведений, — пролепетал он. Лицо его осунулось, глаза затуманились слезами отчаяния. Схватив полицейского за рукав, словно утопающий за соломинку, он взмолился: — Офицер, умоляю, спасите его! Ему ведь всего двадцать три года! Совсем ещё мальчик!

Полицейский на секунду замолчал, убрал удостоверение в карман и твёрдо ответил:

— Мы сделаем всё возможное.

Чуть поодаль, в тени деревьев, стоял неприметный фургон. Из его окон за происходящим молча наблюдали двое: Ма Да, чьё лицо пересекал уродливый шрам, и его подручный, трусливый Сяо Тянь.

— Брат Ма, — зашептал Сяо Тянь, испуганно втягивая голову в плечи. — Там и люди Юй, и полиция... Вы правда хотите прикончить Нань Цзина прямо сейчас?

— Мразь трусливая, — сплюнул Ма Да. — Думы мои читай: неужто я попадусь? В теле Юй Аньяня пробудилось древнее божество. Мне нужно избавиться от Нань Цзина до того, как этот ублюдок окончательно наберёт силу.

Шрам на левой щеке бандита уродливо перекосялся. Он прищурился, глядя сквозь лобовое стекло на призрачную лестницу, зависшую над ущельем. Сяо Тянь тоже уставился туда же, но с такого расстояния небесный мост казался лишь едва различимой белёсой нитью. Обычный человек не разглядел бы на ней ничего.

Ма Да хищно оскалился:

— Куда тебе, простому смертному. Ты слеп. А вот я... я чувю это.

Он глубоко, со свистом втянул ноздрями воздух, заставив рубец на лице натянуться.

— Запах богов и демонов... Его ни с чем не спутаешь. И эта омерзительная вонь гнили, тварей, выползающих из глубин преисподней.

С этими словами он полез под сиденье и извлёк оттуда небольшую соломенную куклу. Трава, из которой она была сплетена, казалась пропитанной запекшейся кровью — тёмно-бурой, почти чёрной. От фигурки разило могильной сыростью и гнилостным смрадом.

Сяо Тянь украдкой глянул на куклу. К её спине был приколот обрывок ритуальной жёлтой бумаги, на котором багровела надпись: «Нань Цзин».

Достав длинную серебряную иглу, Ма Да прикрыл глаза и зашептал заклинание. Лежавшая на приборной панели кукла вдруг вздрогнула и медленно, будто ведомая невидимыми нитями, приняла вертикальное положение.

Увидев, как соломенное чучело парит в воздухе без всякой опоры, колдун самодовольно ухмыльнулся:

— Надо отдать должное господам из семьи Дун. Не пожалели сил на моё обучение, раз доверили тайну Техники управления людьми через соломенную куклу.

Он ласково провёл пальцем по острию иглы.

— Стоит мне проткнуть эту солому, как тело паршивца пронзит невыносимая боль. Каждая игла — словно гвоздь в его плоть.

С тихим, свирепым смешком Ма Да с силой вогнал серебряную иглу прямо в голову соломенной куклы, утапливая её по самое ушко.

— Поглядим, как этот щенок выберется живым из нашей деревни.

Над ущельем сеял мелкий, ледяной дождь. Снизу, цепляясь за ступени новообретёнными когтями, упорно полз зловещий дух.

Нань Цзин стиснул зубы от бессильной ярости. Внезапно его тело прошила резкая, разрывающая мозг боль. Он глухо застонал и забился в судороге, вырываясь из объятий Юй Аньяня и скатываясь на холодный камень ступеней.

В глазах Юй Аньяня вспыхнул гнев.

«Он предпочёл упасть на ступени, лишь бы не оставаться со мной? Неужели умереть в моих объятиях для него страшнее, чем быть растерзанным этой тварью?»

— Больно... — прошептал Нань Цзин.

Каждый сустав, каждый нерв в его теле буквально взрывался. Казалось, тысячи раскалённых игл одновременно вонзились в его плоть, выжигая разум изнутри.

— Нань Цзин! — Юй Аньянь опустился перед ним.

Юноша стоял на коленях, уткнувшись лбом в каменные плиты. Его лицо было бледнее савана, но когда он поднял голову, его взгляд горел лихорадочным, неестественным блеском. Слабой рукой он упёрся в грудь режиссёра.

— Оставь меня, — из последних сил выдохнул он. — Беги наверх... Беги, Юй Аньянь! Там, в самом конце лестницы... должен быть выход. Спасайся!

Связанными алым шёлком запястьями он попытался оттолкнуть мужчину, но тот лишь крепче перехватил его руки.

Взгляд Юй Аньяня скользнул по путам. Алая лента, которую он сам когда-то завязал на тонких запястьях юноши, теперь казалась насмешкой. Наклонившись, он зубами ухватил узел и с силой потянул. Шёлк скользнул прочь, обнажив нежную кожу с парой едва заметных багровых следов.

Юй Аньянь опустился на колени прямо в дорожную пыль и, не выпуская рук Нань Цзина, заглянул в его измученные глаза.

— Мой удел — судьба девственного отрока. Мне суждено сгнить в земле до двадцати трёх лет. Я не знаю, сколько тебе заплатили за моё спасение, но скажу прямо:

— Против судьбы не пойдёшь. Это мой финал.

— Тебе незачем так надрываться ради чужой жизни. Или ты так боишься лишиться своих пяти миллионов?

Нань Цзин даже не удостоил его ответом. Стиснув зубы, он обернулся. Гниющее чудище росло пугающе быстро. Вслед за ногами у него отросли длинные бугристые руки с когтями, а следом поползла и чёрная, лопающаяся шкура, кусками свисающая с костей. Скорость монстра стремительно росла.

— Нет... — прошептал Нань Цзин.

Прикусив язык до крови, он с силой окропил Печать призрака. Свободной рукой юноша мгновенно подхватил колокольчик и зажал его губами. Ледяная волна потусторонней энергии

захлестнула его тело; светлые радужки глаз мгновенно потемнели, затапливая глазницы непроглядной, зловещей чернотой.

Заимствуя силу древней печати, он рывком поднялся на ноги. Зажав артефакт в кулаке, Нань Цзин бросился навстречу чудовищу. Тварь взмахнула свежавыросшей когтистой лапой — острые как бритва когти глубоко вонзились в его правое плечо, брызнула алая кровь.

Но Нань Цзин даже не поморщился. Пользуясь близостью врага, он наотмашь прижал Печать призрака прямо к его уродливой морде. Раздался шипящий звук сгорающей плоти, воздух наполнился удушливым смрадом палёного мяса. Из пасти монстра, усеянной рядами острых зубов, вырвался оглушительный, полный муки вой.

Артефакт буквально выжег сквозную дыру в его голове. Завывая от боли, чудовище покатилося назад по ступеням и затихло.

Нань Цзин обессиленно выдохнул. Колокольчик со звоном выпал из его слабеющих губ. Юноша тяжело рухнул на холодные камни прямо у ног Юй Аньяня, заходясь тихим, надрывным кашлем. Из раны на плече толчками вытекала тёмная кровь.

Юй Аньянь замер. Медленно переведя взгляд на раненого юношу, он почувствовал, как в мыслях воцарилась звенящая пустота.

«Зачем? Он ведь согласился на это только ради денег. Принял сине-чёрный кувшин, забрал свои пять миллионов... Но сейчас...»

«Он действительно пытается меня спасти? Ценой собственной жизни?»

— Нань Цзин... — В его обычно надменном, холодном голосе звенящей струной натянулась тревога.

Юй Аньянь коснулся своего лица. На пальцах осталась свежая кровь. Тёплая, пахнущая медью и железом... Её ядовито-алый цвет казался ярче подвенечного платья, в которое был облачён юноша.

— Зачем тебе это? — прошептал он, чувствуя, как мелко дрожат пальцы.

Осторожно прикоснувшись к правому плечу Нань Цзина, он ощутил, как ладонь мгновенно пропитывается горячей, липкой влагой.

Грудь режиссёра тяжело вздымалась. Сжав кулаки, он пересилил себя, бережно приподнял Нань Цзина и заключил в объятия. Юноша оказался пугающе лёгким. Кровь под ними уже собиралась в багровую лужу, пачкая подол красного халата, но раненый не сопротивлялся — у него просто не осталось сил.

«Он и правда спасает меня...»

Прикрыв глаза, Юй Аньянь тихо произнёс:

— Смерть здесь, в этой богом забытой деревне, в двадцать три года... вместе с тобой. Нань Цзин, для меня это был бы лучший финал. Я принял его.

— Для того, кто обременён судьбой девственного отрока, это не худшая участь.

— Почему ты просто не позволишь мне уйти? Зачем... — В горле встал горький ком, мешая говорить, но он заставил себя закончить холодным, ровным тоном: — Зачем ты продолжаешь рисковать собой ради меня?

С уголка губ Нань Цзина сорвалась струйка крови. Слабо потянув Юй Аньяня за воротник, заставляя наклониться ниже, он прошептал едва слышным, свистящим шёпотом:

— С моих четырнадцати лет... моя жизнь неразрывно связана с твоей. Твои колокольчики... Они спасали меня столько раз. Я здесь только ради тебя.

— И дело вовсе не в сине-чёрном кувшине, — юноша со свистом втянул воздух. — Я всё равно пришёл бы. Чтобы спасти тебя.

Тёмная бездна в его глазах постепенно рассеивалась, возвращая прежний светлый оттенок, но взгляд оставался блуждающим, расфокусированным. Налетевший порыв горного ветра безжалостно распахнул полы красного одеяния. Нань Цзин глухо закашлялся, выплёвывая кровь.

— Я... я не хочу умирать вместе с тобой. Я хочу, чтобы мы вместе жили.

Ветер яростно трепал полы тонкой рубашки Юй Аньяня, забирался под пояс строгих брюк, обжигая ледяным дыханием кожу. Но он не чувствовал холода. Стоя на коленях на острых камнях древней лестницы, мужчина баюкал на руках израненного юношу. Склонившись, он прижался своим лбом к его горячему, покрытому испариной лбу.

Из уголка глаза Юй Аньяня медленно скатилась одинокая слеза. Прочертив влажный след прямо по алой родинке под глазом, она показалась кровавым предзнаменованием. Он смотрел на Нань Цзина — и этот взгляд возвращал его на одиннадцать лет назад, в тот день, когда он, двенадцатилетний мальчишка, сквозь цветные витражи наблюдал за угасающим багрянцем заката.

Накануне его двенадцатого дня рождения в доме семьи Юй воцарилась странная, удушливая атмосфера. Впрочем, мальчика это мало заботило, хоть он и замечал на себе странные, полные скрытого смысла взгляды слуг и родственников, стоило ему войти в комнату.

В тот день он, одетый в чистую белую сорочку и чёрные брюки, собирался ехать во Дворец искусств на занятие по виолончели. Уже у самого выхода до его слуха донёлся приглушённый шёпот прислуги:

— Слыхала? У господина Юя, оказывается, есть ещё один сын. Одиннадцать лет мальчишке.

— Что? Внебрачный? И как он, здоров? А как же... молодой господин Аньянь?

— В том-то и дело, что абсолютно здоров! Говорят, на редкость смыслённый малый.

— Тсс, тише ты! Не дай бог Аньянь услышит. Поговаривают, господин Юй уже распорядился забрать его в дом...

В ту секунду мозаика сложилась. Юй Аньянь наконец понял, что скрывалось за этими фальшивыми улыбками и вздохами. Жалость. Липкая, удушающая жалость к покойнику, который пока ещё дышал.

Каждые выходные его исправно отвозили на уроки музыки и живописи.

«У Аньяня слабое здоровье, — часто говаривал отец. — Не нужно забивать ему голову экономикой и управлением. Пусть лучше играет на виолончели, развивает вкус. Хочу лишь, чтобы его последние годы прошли в покое».

В тот вечер за ним никто не приехал. Оставшись один, мальчик медленно поднялся по бесконечным лестничным пролётам Дворца искусств на самый верх, в заброшенную мансарду. Длинная, до шеи чёлка падала на глаза. Поставив друг на друга два деревянных табурета, он взобрался на них и распахнул окно.

Здание было выстроено в традиционном китайском стиле. Окна украшали редкие цветные витражи с искусной росписью, изображавшей пантеон божеств. Но перед его окном красовалась иная картина, которую он запомнил на всю жизнь — ужасающие сцены подземного судилища.

В самом центре композиции висело крошечное зеркало, инкрустированное золотыми бусинами, а вокруг него корчились в муках сонмы безликих демонов. Маленькому Аньяню эта картина казалась забавной. Смертные до дрожи боятся нечисти и вымаливают покровительство у небес, глупцы, не понимая простой истины: боги не станут спасать каждого.

Он распахнул витражную раму. Из музыкального класса внизу доносились торжественные аккорды «Симфонии судьбы» Бетховена. Вечерний ветер растрепал тёмные волосы, обнажив холодный, не по-детски равнодушный взгляд. Мальчик посмотрел вниз. Ему просто захотелось сделать один короткий шаг вперёд.

Дверь за спиной с грохотом распахнулась. На пороге стоял отец — всегда безупречно причёсанный, сейчас он выглядел жалко: растрёпанный, бледный, с застывшим на лице ужасом. Он судорожно протянул к сыну дрожащие руки:

— Аньянь! Малыш, что ты делаешь? Пожалуйста, слезь оттуда... Иди к папе. Я купил тебе ту гоночную машину, помнишь? На презентации выкупил, специально для тебя! Спускайся, прошу...

Юй Аньянь медленно опустил ресницы. Взглянув вниз, он увидел толпу зевак и спасателей, судорожно разворачивающих надувной батут. Музыка внизу резко оборвалась.

Бросив последний взгляд на догорающий за окном закат, он послушно сошёл с табуретов. Спустился, чтобы безропотно принять предначертанную судьбу, которая рано или поздно оборвётся.

Отец подлетел к нему, задыхаясь от рыданий, стиснул в объятиях и долго, судорожно прижимал ладонь к груди сына, проверяя, бьётся ли его сердце.

Но мальчик уже тогда всё понимал. Отцу нужен был здоровый, живой наследник. Всем вокруг нужен был только живой Юй Аньянь — тот, кто сможет нести бремя семейного богатства и славы. Живому прощали всё, живому дарили мир. Но никто не желал иметь дела с тем, кому суждено безвременно уйти в могилу.

Рок безжалостно отнял у него всё, что ждало за порогом двадцатитрёхлетия, утягивая во тьму преисподней.

Но этот несносный Нань Цзин... ворвался в его жизнь и упрямо твердит, что спасёт его.

Холодный ветер вновь растрепал волосы у лба. Юй Аньянь крепко зажмурился, а когда открыл глаза, в их черноте полыхнуло истинное безумие. Сжав юношу в объятиях так крепко, словно пытался слить их тела воедино, он прохрипел:

— Нань Цзин... Слышишь? Ты должен выжить. Я хочу, чтобы ты жил!

Мертвецы с зажжёнными красными свечами в руках продолжали монотонно подниматься по лестнице. Обожжённая Печатью призрака тварь испустила утробный рык и снова начала медленно расправлять уродливые конечности.

Дзинь...

Вдруг на груди Нань Цзина звякнул один из Колокольчиков загробного союза, висевших на алом шнуре. Второй слева. Колокольчик, принадлежавший Юй Аньяню.

Под сенью грозовых туч из груди Юй Аньня соткалась тонкая алая нить. Извиваясь змеей, она устремилась прямо к правому плечу Нань Цзина. Юноша тихо вскрикнул, почувствовав, как в груди что-то дрогнуло, а в ушах зазвучал далёкий, потусторонний шёпот, обдающий знакомой прохладой.

Этот голос напоминал голос Юй Аньня, но в нём звенели величественные, неземные ноты.

«Нань Цзин... Ты должен поверить мне. Поверь всем сердцем, что я смогу защитить тебя. Поверь, что мы выберемся из этой проклятой деревни живыми».

«Поверить? Выбраться живыми?»

Нань Цзин с трудом разомкнул веки и встретился взглядом с лихорадочно горящими глазами мужчины. В ту же секунду один из мертвецов рванулся вперёд, целясь костлявыми пальцами прямо в грудь юноши. Юй Аньня среагировал мгновенно — закрыл Нань Цзина собой, приняв удар на спину. Острые когти вспороли ткань рубашки, и по плечу режиссёра потекла кровь.

Нань Цзин вскрикнул. Внутри него поднялась волна упрямого, яростного неистовства. Да, они выберутся. Он вытащит их обоих.

Алая нить на его правом плече вспыхнула ослепительным светом, поднялась в воздух и устремилась навстречу нити, тянувшейся из груди Юй Аньня. Стоило им соприкоснуться, как они мгновенно связались в прочный ритуальный узел.

Из места их соединения выплыл старинный свиток, напоминающий древние живописные полотна на рисовой бумаге с золотым напылением, закреплённые на двух лакированных красных валиках.

Свиток завис в воздухе прямо перед лицом Нань Цзина, источая мягкое, призрачное свечение. Сквозь пелену в глазах юноша разглядел нарисованного на нём мужчину в старинных одеждах.

Тот был облачён в белоснежное одеяние с запахом на правую сторону, подпоясанное широкой лентой, и плиссированную алую юбку с золотыми искрами. В тонких руках он бережно держал инкрустированную золотом Серебряную чашу обратного хода. Изящный разрез глаз, бледные, тонкие губы, алеющая родинка под правым веком и высокомерно вскинутый подбородок... Если не считать старинного наряда и длинных волос, закопанных золотой шпилькой, этот канонический образ до мельчайших черт повторял облик Юй Аньня.

В то мгновение, когда Нань Цзин вгляделся в рисунок, изображённый на свитке мужчина вдруг ожил и медленно поднял на него взгляд бездонных тёмных глаз. Сердце юноши пропустило удар. В правом верхнем углу свитка проступили налитые кровью иероглифы:

[Третий в Списке демонов и богов: Мэн-по]

«Список демонов и богов?» — Нань Цзин растерянно коснулся вибрирующих колокольчиков на груди. — «Что это за свиток? Как он связан с загробным союзом? И почему... Мэн-по?»

Юй Аньянь закашлялся, выплюнул сгусток крови и медленно закрыл глаза. Стоило его векам сомкнуться, как вокруг закружился яростный белый вихрь, принёсший с собой резкий запах горьких целебных трав.

Ту-дум... Ту-дум...

Из глубин свитка донёлся отчётливый, глухой стук бьющегося сердца. Мужчина в бело-алых одеждах сошёл прямо с пожелтевшего полотна в реальный мир.

Колокольчики на шее Нань Цзина зашлись неистовым звоном. Пришелец, держа в одной руке Серебряную чашу обратного хода, другой плавно сотворил заклинание и вонзил тонкие пальцы прямо в собственную грудь, раздвигая рёбра. Тёмная, дымящаяся кровь хлынула из его сердца, наполняя чашу.

Дно Серебряной чаши обратного хода мгновенно почернело. Ветер взвыл с новой силой, закручивая вокруг них вихри пыли и дождя. Мужчина бесстрастно взглянул на Нань Цзина, и в его взоре отразилась мощь первозданной бури.

Лишённый чувств Юй Аньянь начал медленно валиться навстречу камням, но губы его беззвучно шевелились. Одновременно с этим сошедший со свитка дух устался на Нань Цзина, и его голос зазвучал в унисон с беззвучным шёпотом умирающего режиссёра:

— Нань Цзин... Я защищу тебя.

<http://bllate.org/book/19041/1951765>